

Введение. Иосиф Сталин: икона и портрет

Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марию Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Г. К. Жуков

Попытаемся воссоздать истинный облик Сталина, исследуя совокупность достоверных фактов и документов, а утраченные свидетельства восполняя психологическим анализом. Как сложно отделить правдивые черты Сталина от лживого иконописного лика, нарисованного за тридцать лет его господства и еще пятьдесят лет жизни его сподвижников и их потомков! Истина выкорчевывалась Сталиным тщательно, до самых корней и глубже, вместе со свидетелями. Но ведь нашли же могилу Чингисхана через тысячу лет, несмотря на убийство всей похоронной команды. Пропаганда успокаивала, обманывала, услужливо подсказывала каждой отдельно взятой совести удобоваримую веру в великого вождя, пробуждающего огромную, малограмотную, забитую самодержавием страну. Не только малолетние павлики морозовы — лучшие умы вставали под его знамя, прославляли, писали в его честь стихи, строили танки, самолеты, дворцы, посвящали ему подвиги. Можем ли мы усомниться в искренности Алексея Толстого, Константина Симонова, челюскинцев, Чкалова и других?

До сих пор в средствах массовой информации, в Интернете — вы найдете апологетов Сталина, оправдывающих самые страшные его деяния, корректирующих якобы завышенное количество жертв.

Автор принадлежит к «обманутому поколению», которое начинало жизненный путь с благодарственных пионерских песен и комсомольских порывов. И я считал так:

Есть в наших днях такая точность,

Что мальчики иных веков,

Наверно, будут плакать ночью

О времени большевиков.

И будут жаловаться милым,

Что не застали те года,

Когда звенела и дымилась

На берег рухнувши, вода...

Павел Коган, 1940. Из сборника «Имена на поверке»,

составленного из произведений молодых поэтов,

павших в Великую Отечественную войну.

Из этих патриотических мальчиков 1921—1924 годов рождения, к которым принадлежал Павел Коган, только три процента вернулось с войны. Это были талантливые, целеустремленные ребята; родной брат Павла стал академиком-физиком. Постепенно, пройдя через потрясение от разоблачения «культы личности», мы выползли из грязи, преодолевая сопротивление тех, кто продолжал

жить и служить старым аббревиатурам: КПСС, КГБ, СА. Жизнь моя и работа сложились так, что в последние полвека мне пришлось вплотную соприкоснуться с некоторыми рудиментами той самой «игры без правил», которая придумана в государстве, унаследованном от Сталина. Там все еще работали, и, боюсь, работают до сих пор, созданные им элементы технологии власти, обмана, иерархической структуры управления.

Мне редкостно повезло. Благодаря цепи случайностей, участию и помощи встреченных мной умных, благородных, поверивших мне людей, я оказался где-то совсем близко по времени и месту к государственной «системе», созданной Сталиным и продолжавшей работать еще многие годы после его смерти. Спасибо педагогам, провалившим меня, как еврея, на приемных экзаменах в Институт тонкой химической технологии в 1950-м. Я освоил эту «игру без правил», и в 36 лет, назло кадровикам, защитил докторскую диссертацию, работая в Академии наук СССР. Благодаря своим техническим знаниям и званиям я оказался востребован в министерствах, Госплане СССР, промышленном отделе ЦК КПСС и т. п., то есть имел возможности входить в эти здания, участвовать в заседаниях и поддерживать контакты с людьми самого разного уровня. Невероятное мое везение состоит в том, что при всем при этом я избежал и сумы, и тюрьмы, и вербовки в стукачи, и унижительного выпрашивания чинов и должностей.

Никогда не забуду, как в 1956, после откровений XX съезда, хороший парень в геологической экспедиции, где все — друзья, выпив водки, вдруг начал кричать, что его отец все равно прав, что он не зря арестовывал врагов народа, что он верит в справедливость приговоров... Они все живут, никуда не делись эти ребята, не признающие, что на их отцах и дедах кровь ГУЛАГа. И раз они чтят отцов, вынуждены почитать и Сталина.

Два поколения минуло со времен раскулачивания, репрессий, геноцида и переселения народов, но не смолкает хор защитников сталинизма, наследников его славы, порядков, идеологии. Они требуют доказательств, скрупулезно высчитывают количество законных и незаконных жертв, рьяно утверждают, что законных было больше. Уже немцы расплатились с жертвами Холокоста, извинились поляки за сожжение 1600 евреев в маленьком городке Едвабне. Но коммунисты России, Украины, Белоруссии, всего бывшего СССР вины своей не чувствуют, отчаянно рвутся к власти, то есть к тем методам борьбы со своим народом, которым обучил их Сталин.

Мое поколение — уходящая натура. Оно не разделяет иллюзий тех, кто надеется, что, как только вымрут рожденные в сталинском рабстве, невозможен станет в новом веке и феномен Сталина. Ведь водил же Моисей евреев сорок лет по пустыне, пока не умер последний, родившийся в рабстве, и только тогда привел он обновленный народ в Землю Обетованную. Но, как показала история России, рабская психология сохраняется на протяжении многих поколений. Следующее поколение генетически наследует психологию отцов. И хотя не чтит их заслуг, но надеется сохранить их привилегии и льготы, власть и богатства, добытые трудом и унижениями в те «благодатные» времена, когда были порядок, идеология и правила не для всех.

Как же так получилось? Как родился и кем воспитан этот монстр, сумасшедший тиран, правивший половиной мира? Как он сумел скрутить многомиллионный

народ, обмануть, околпачить? Это его изощренный ум и хитрость, или просто все мы, люди — биомасса, подчиняющаяся — особым, для толпы — законам природы. Может быть, по этим законам безвольная толпа должна возносить над собой уничтожающих ее тиранов, психически ненормальных личностей — Нерона, Ивана Грозного, Сталина, Мао Цзэдуна, Пол Пота, Ким Ир Сена. Ведали ли они, что творили? Кто виноват, и что делать? Справедливо ли списывать на одного Сталина все совершенное зло?

«Добрая слава Иоаннова (Грозного) пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмили новейшими. Но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех Царств Монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования... История злопамятнее народа». (Иван Карамзин. «История Государства Российского»).

Пожалуй, Сталин — самый выдающийся по казням и горю, самый высокопроизводительный представитель породы тиранов. Десятки лет спустя еще живы те, чьими руками он творил зло, кого он обманул, кто жизнь потратил на ненужное и даже вредное дело. Они не признают своей неправоты. Да и как признать на старости лет, что жизнь прожита зря, что планировали и коллективизировали напрасно.

Я тоже был среди всех. И свято верил. И писал трогательные стихи на смерть вождя в марте 1953. И опасался за будущее народа, осиротевшего в эти дни. По крышам мы с мальчишками прошли почти до Колонного зала, где лежал его труп, окруженный соратниками. И я не ведал, сколько задавленных толпой насмерть людей проводили в последний путь величайшего мистификатора всех времен и народов. Ему это было уже все равно. Как, впрочем, и при жизни было безразлично, сколько миллионов чужих жизней он загубил. Самое удивительное, однако, что и жизни близких людей, семьи, товарищей, любовниц, родных, даже собственного сына, не стоили равным счетом ни гроша по сравнению с его стремлением к власти и почитанию.

Сталин умел только принимать любовь и жертвы, не отдавая никогда. Даже в память о самой искренней любви к первой жене Като он не пощадил ее родных. Сына Якова не любил, издевался над ним, а когда тот попал в плен к немцам, опасался только провокаций и облегченно вздохнул, узнав, что сын вел себя достойно и предпочел смерть, фактически — самоубийство, позору для отца. Сталин не захотел вести переговоров через Красный Крест об обмене Якова на фельдмаршала Паульса. Фраза «Я солдат на фельдмаршалов не меняю» прибавила ему славы в народе, который не мог себе представить, как мало для Сталина значит жизнь человека, даже собственного сына.

Он считал, что народ должен служить ему беззаветно (во всяком случае, сподвижники). Он их проверял многократно — с помощью встроенных микрофонов, прослушивания телефонных разговоров, — но все равно не верил, зная, что они знают или, по крайней мере, догадываются о слежке. Все, кого он оставил в живых после 1938 года (Молотов, Ворошилов, Берия, Хрущев, Маленков, Каганович, Жданов, Булганин, Суслов) — не ошиблись ни разу, не показали ни

тоном, ни знаком, ни шуткой, что не согласны с каким-то его решением. Он их систематически поил — вином, коньяком — до беспамяты, но инстинкт самосохранения берег их. Он арестовывал и ссылал их жен, лучших друзей, заставлял их подписывать смертные приговоры заведомо невинным товарищам по работе, которых они знали и ценили. Они все выносили безропотно, зная, во что обойдется протест. Они жили в маске любви и благоговения, привыкли к ней, срослись с ней, как с кожей. Они не хотели убивать его, боялись панически, и только под страхом собственной смерти в застенках, решились на сговор, чтобы избавиться от него. Спустя два года после его смерти самый хитрый из них, всю жизнь игравший протаска-весельчака Никита Хрущев, посмел высказать затаенные обиды и ненависть за унижения, муку долготерпения и гибель сына в штрафном батальоне. И он высказал почти все, несмотря на протесты остальных.

Мне представляется полезным сделать «пошаговый анализ» этого последовательного «пути в никуда». Сопоставить начало и конец. Как обманули? Где переступили невидимую границу, разделяющую идеологический самообман и подлость? Как он сам чуть-чуть просчитался, и как чуть не просчиталось человечество? Стратегия завоевания власти, начатая в небольшой революционной партии, разрослась до диктатуры в целой России, затем «социалистическом лагере», и совсем немного, почти случайно, не дошла до мирового господства.

Очень многие ни тогда не понимали, ни теперь не задумываются, что человечество стояло перед катастрофой. Сталин всерьез претендовал на мировое господство, и основательно подготовился. Производство атомных бомб наладили, а испытание водородной наметили на август 1953, всего через четыре месяца после его «безвременной кончины». Ракетный щит вокруг Москвы; подземный город под Кремлем, Лубянской и центром Москвы с железнодорожным выездом через Купавну на Восток. Там, под землей, были склады продовольствия, дворец с кабинетом и казематами для заключенных линиями связи и линиями метро. Армия — самая мощная в мире, и маршал Жуков, сосланный, но не арестованный. Безграничная власть уже не только в одной отдельно взятой стране, но и в Восточной Европе. Наконец, любовь и почитание подданными, которое должно было еще вырасти на почве антисемитизма и грядущего завоевания Европы и Америки. Были приготовлены также будущие виновники и жертвы — сначала евреи, а затем и бывшие сподвижники из Политбюро.

— *Этот Яго — неплохой организатор,* — заметил он как-то после просмотра трагедии Шекспира.

Но сам он умел организовывать трагедии, которые Шекспиру и не снились. Случайно Бог уберег человечество. Не все осознают сегодня, что опасность войны Сталина за мировое господство действительно существовала, что к началу 50-х годов Сталин обладал самой мощной в мире и дееспособной армией, атомным оружием, непререкаемым авторитетом во многих странах мира. К счастью для человечества, смерть настигла тирана в возрасте 73 лет, по нынешним меркам он был еще не слишком глубоким стариком.

Были совершенно секретные приказы, по которым предписывалось арестовать десятки тысяч людей, среди которых могло найтись несколько подозрительных. На фоне этого приказа просто смешотворно выглядит анекдот того времени:

— *Тебя за что на 10 лет посадили?*

— *Да ни за что!*

— *Врешь. За «ни за что» 5 лет давали.*

Особенно мерзким выглядит то, что доклады «с мест» рапортовали о досрочном выполнении предписанных региональных норм арестов и расстрелов, просили об увеличении норм, иногда вдвое, что свидетельствовало о рьяном старании репрессивного аппарата, о разгуле террора, который насаждался в стране. Не только начальники НКВД, но и толпы убежденных «строителей коммунизма» выходили на демонстрации с требованием смертной казни «шпионам, диверсантам, оппортунистам...».

Были ли заговоры против него, были ли попытки (я скажу — благородные) остановить его восхождение к диктатуре? По-видимому, были. Он искоренял крамолу беспощадно, глубже, чем под корень. Столь же рьяно, на всех уровнях — от членов политбюро и до «кухарок», якобы уже допущенных к управлению государством, рисовали иконы нового Бога, расставляли по красным углам и истово молились за его здоровье. Что это? Привычка молиться, рабство, веками накапливавшееся в крови, низкий умственный или образовательный уровень, закон толпы, результат умелой пропаганды? Наверное, все это вместе.

Наблюдая подобное и в поведении иных народов — немцев, арабов, корейцев, китайцев, тайландцев, кубинцев и других, не станем упрекать русский народ и малограмотных жителей окраин России. В самых цивилизованных и развитых странах время от времени под руководством новых вождей возникают секты убийц и самоубийц. Видимо, это грех общечеловеческий. И в этом таится страшная опасность для человечества. Но люди должны понимать и не забывать, что иконы пишутся с реальных грешных людей, которые способны сотворить тем больше зла, чем тщательней засекречен истинный, изуродованный временем портрет. Не надо думать, что «Портрет Дориана Грея» — чистая фантастика. Как это актуально и важно — достать с чердака истории истинный портрет Иосифа Сталина. И вот:

*Дробится рваный цоколь монумента,
Взывает сталь отбойных молотков:
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячу веков.
Пришло так быстро время пересчета.
И как нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Она, по справедливости, не впрок.
Но как сцепились намертво камня!
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье
Немалых тоже требует трудов.*

Александр Твардовский. «Монумент»

Александр Твардовский, некогда ревностный почитатель Сталина, убежденный борец с кулаками, к которым принадлежали и его сосланный отец с родными братьями. В 60-е Твардовский, благодаря своему авторитету во время войны и Сталинской премии за поэму «Василий Теркин», был назначен главным редактором журнала «Новый мир». Это была ошибка номенклатурных идеологов, потому что Твардовский стал настоящей совестью той первой оттепели, центром

движения «Шестидесятников». Благодаря нему появилась в легальной печати — в «Новом мире» — повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», предтеча «Архипелага ГУЛАГ». С огромным трудом Твардовского спихнули с кресла главного редактора «Нового мира», и это был целый этап в жизни номенклатурной идеологии.

Еще борются за власть прямые наследники Сталина, пытающиеся сохранить привилегии, с трудом и унижениями завоеванные их отцами и ими самими. Еще не сглажены кошмарные последствия разрушений. В морали, религии, экономике, культуре, науке, правопорядке. И разбредаются по миру, по всем странам, люди, прорываясь из-за рухнувшего «железного занавеса».